

ЯКОВЛЕВА И ЕЕ БОЛЬШАЯ СТРАНА

ТАТЬЯНА ФЕВРАЛЕВА
Филолог, проектный менеджер, преподаватель. Родилась в Вологодской области, живет и работает в Санкт-Петербурге.
Окончила филологический факультет и аспирантуру Череповецкого государ-

ственного университета, преподавала на вузовской кафедре, печаталась в научных сборниках. С детства увлеклась театром, поэтому второе образование получила в Санкт-Петербургской государственной академии

театрального искусства на продюсерском факультете, работала в театрах Череповца и Санкт-Петербурга. Выпускница курсов Школы писательского и сценарного мастерства Band. Публикация в «Юности» — дебют на страницах авторитетного издания.

Дожив с трудами и целью до двойной молодости в два раза по двадцать, да еще хватит на хвосты с бантиками, Яковлева так и не научилась отличать Урал от Сибири.

Проще, когда есть подсказки: Новосибирск отсылает в Сибирь, Первоуральск и Каменск-Уральский — к Уралу. Вот проблески школьной географии: Уральские горы делят Европу и Азию. Оттуда же всплывает знание, что река Лена — сибирская. Это вбила бурного нрава учительница географии, она не умела спокойно говорить и всегда кричала.

— Запомните, меня зовут Лена Иванна! Не Елена, а Лена! В честь великой сибирской реки Лены!

Парикмахер, стригущая Яковлеву, переехала из Челябинска, вспоминает красоту уральских пейзажей — значит, и Челябинск оттуда. Еще есть подруга с мужней фамилией Февралева. Все умиляются: ах, какая красивая фамилия! И она скромно поясняет: идет от уральских казаков. Не углубляясь в суть, потому что глубже не знает.

Яковлева словно пробует Урал на зубок. По зубам ли ей этот хребет? Урал прячется и снова встает неваляшкой, не дает покоя.

Вот Яковлевой пять лет. Она ничего не боится, гнет свое и умеет читать. За это воспитатели оставляют ее за старшую, когда сами уходят пить чай. Яковлеву сажают за воспитательский стол, дают книгу. Яковлева болтает тонкими ножками

и гордо читает неграмотным ровесникам поэму о Чапаеве. О, как ему тревожно, оттого что враг близко. Он поднимает отряд на бой, громит белых, раненым переплывает раздольную реку Урал, и тут догоняет вражеская пуля. Чапай тонет.

Маленькая Яковлева поддает голосу трагизма и назидательно финиширует:

*Урал, Урал-река,
Бурлива
И Широка.*

Последнее слово она превращает в героическую паузу. Но на лицах лопухих сверстников ни тени сострадания. Сжимают в кулаках потные карандаши, рисуют смачные цветы и косматые солнышки. Одна Яковлева там, в Урал-реке, трепыхается в холодных волнах, задыхается вместе с Чапаем. И мстит врагам.

Потом Яковлева растет, и спеси в ней все меньше — пообкатали товарки младшего школьного возраста. А робости все больше, и тихие мыши приспособленчества скребутся все чаще: Яковлева вживается в социальное общество.

Она прорастает сквозь школьные годы чудесные, расчерченные дорогами к коммунизму, все более кривыми, все менее освещенными. Глаза пионерки Яковлевой устремлены на запад в его дозволенных пределах: там живут братья и се-

стры по интернациональной дружбе, там исполняется долг советского пионера и сбывается маленькая детская мечта на том, что доступно к пересылке по почте.

В детстве они много переписывались. «Лети, письмо, с приветом, а вернись с ответом» – вставляли незатейливые пожелания, которые казались им верхом совершенства. В пионерских друзьях Яковлевой были никогда не увиденные ею Марьяна из Степанакерта, Оля из Вильнюса, Йенс из Лейпцига. Середина восьмидесятых, пухлые конверты с ценными подарками: календарики, открытки, марки, даже монеты умудрялись пересылать.

Они были настолько обычны и юны, что не заметили, как История прошла по ним: загремело в Нагорном Карабахе, Прибалтика поссорилась с Россией, Германия беспокойно объединялась. И они потерялись. «Здравствуй, (имя)! Как ты живешь? Я живу хорошо», – немудрено приветствовали друг друга, после чего шел рассказ о жизни на целый лист, щедро вырванный из середины школьной тетради.

«В 60-х – писатели-шестидесятники, в 70-х – семидесятники. А мы кто, девяностики, что ли?» – придумала начитанная однокурсница.

Филфак пришелся на 90-е. А вместе с ним явилась не запылилась польская и китайская мода, ввозимая в полосатых челночных сумках. Ядовитые махровые капоры напялили на себя особы женского пола любого возраста. Работников меткомбината можно было опознать по безразмерным, одинакового цвета китайским пуховикам – бартерной помощи от братского народа, всегда оказывающегося поблизости в убогие времена.

Молоденькая Яковлева замечает, но не задумывается, слышит, не вслушиваясь, – ей некогда, она просто живет в том времени, что досталось, натываясь на его занозистые углы. Учит «треугольник Шербы», оды Ломоносова и прочие непригодные для рядовой жизни премудрости. У Яковлевой нет родственников с завода, а от фиолетового капора спасло то, что не сочетался с пальтишком, не нашлось подходящего ядовитого цвета. «Спасло» – слово из сейчас, а тогда она даже горевала, что одета не в тренде.

Она идет за страшными модными джинсами-пирамидами, в толкучку, громкую давку. Мануфактурная жизнь 90-х переметнулась на колхозный рынок. Яковлева крепче прижимает локтем сумку, в ней учебник языкознания и пятьдесят рублей стипендии. Яковлеву толкают, переминают, не церемонятся.

– Ты что, с Урала?

Как часто слышит она эти промозглые, озлобленные слова. Слово ни в чем не повинный далекий Урал собрал всех непредприимчивых, не умеющих отличить штаны-«трубы» от «пирамид», не приспособленных вложить подаренный страховой ваучер, да чтоб с наваром.

Джинсы-«пирамиды» не прописались на художочной Яковлевой. Поболтавшись в них, она снесла штаны в ателье, где их ушили до немодной и успокаивающей классики.

Тогда же, в 90-е, засияла с Урала духовность, объединившая и тех, кто в махровых капорах, и тех, кто в бордовых пиджаках: все зашепили воцерковляться и вспоминать о невинно убиенной царской семье.

Яковлева и сама, в промежутках между Кашпировским и Чумаком, ловила новости о раскопках в уральских лесах, медицинской идентификации, верила и не верила в чудесное спасение княжны Анастасии из одноименной книжки. Ручеек духовного спасения России заструился из Екатеринбургa, прошедшего через железный Свердловск и возвращенного к истокам.

На переходе к новому веку яковлевская подруга перебралась замуж в Екатеринбург, называя его по-местному метко и лаконично – Ебург. Яковлева поражена: там есть метро и «Икея». Метро короткое и «Икея» без размаха, но их наличие усиливает планку третьей российской столицы. Первые весточки о подлинном европейском комфорте Яковлева получает с Урала:

– Представляешь, нашла в «Икее» заварочный чайник и покрывало в тон.

Обалдеть. Ну ладно чашки и скатерть, но чтобы кухня и спальня не могли жить друг без друга! Яковлева тренируется, перенастраивает свой социалистический умишко под капиталистические стандарты.

Большая страна расплзлась по швам, как ветхая простыня. Яковлева выбрасывала старье и покупала взамен новый дизайн с резинками по углам, собирая воедино углы времени, чтоб не распались.

Из Свердловска перенеслись в обнулившийся Ебург, никуда не делись, мощные гитарные аккорды. Яковлевой ближе лесные переборы у костра, но и она знает цену сгустку энергии в крепком песенном слове.

Как сцепились они в нулевые с напористой поклонницей!

– Башлачев наш земляк, свердловский!

– Нет, он череповецкий!

– Не ври! У нас его знаешь как ценят. Мы столица русского рока!

– И у нас ценят. И дом, где родился, стоит. И фанаты приезжают. И музей есть!

Тихую Яковлеву не узнать. Взор пылает, руки машут. Так и вцепится в горло за правду. Ей ли не знать: мать мужа Февралевой живет в соседнем с поэтом «времени колокольчиков» доме и чуть не ежедневно раскланивается с его матерью. Муж Февралевой, в бытность бунтарских длинных волос и тайных сборищ для слушания битлов и зепелинов, сиживал с Сашкой в одних компаниях, где портвейн и музыка едины.

В век с цифрами американского совершеннолетия пришло к Яковлевой продолжение рока в тишине: вместе с книгами явилось смешное уральское имя – Борис Рыжий и с ним поэзия бомжей, пьяниц, пациентов – простодушных и пронзительных маргиналов по обочине новой страны, донашивающих китайские пуховики, не умеющих изъясняться, но изумленных неброским божественным замыслом. Вот нашел парнишка-прогульщик три рубля и купил... музыкальную шкатулку. Мать плачет, ругается, а он утешает:

Понимаешь, это – чудо.

А откуда, я не знаю.

Ну-ка, крышечку откроем.

Слышишь: тихая, незлая.

Под нее не ходят строем.

Большая страна давно раскатилась самоцветами по углам, ходила по линейке, разевала рот от лозунгов и дорогих материй. Внутри нее шмыгала неприметная Яковлева, нанизывая бусинки времени на неровную нитку памяти.

Зачем Урал вращается в ее жизнь, цепляется не прошеными бусами, тянет шею вверх и не сдаётся? Надо хоть глобус купить – затвердить наконец, чем отличается Урал от Сибири. Да географ глобус пропил.

